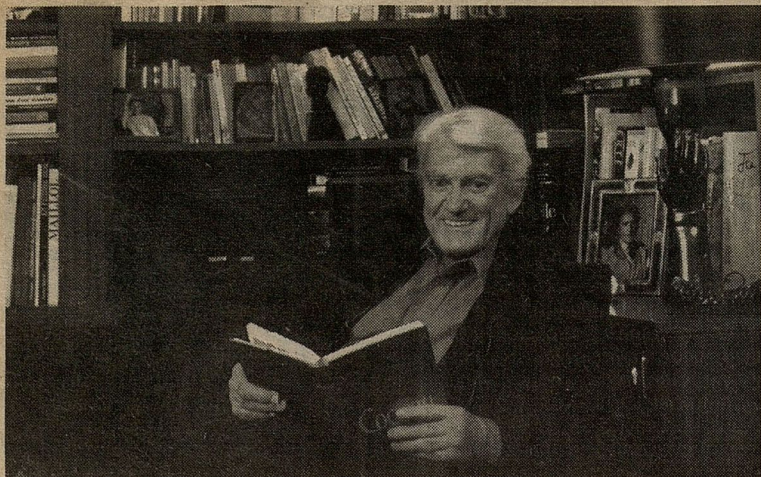

Маре в квартире на Монмартре. Лампа выполнена по рисункам самого актера, в свою очередь, скопировавшего ее с канделябров из фильма «Красавица и чудовище».

Его последнее интервью

В сентябре 1998 года, в Ваморисе, Жан Маре дал свое последнее интервью Дени Таранто.

— 11 октября 1963 года умер Жан Кокто. Где вы были в тот день?

— У себя дома, в Марн-ла-Кокет. Услышав эту ужасную новость по телефону от Эдуара Дерми, я поехал в Мийи-ла-Форе. Жан лежал на кровати напротив большого зеркала. Он, который всю свою жизнь рассказывал людям о зазеркалье! Меня это просто потрясло. Стали обсуждать, кому сидеть возле него ночью. Я сказал: «Мне бы очень хотелось, но я засну, я себя знаю». Сел на небольшой диванчик и стал смотреть на него. В зеленом фраке он выглядел очень красивым. В своем фильме «Завещание Орфея» Кокто предупреждал: «Не плачьте!» Я тихонько прошептал ему: «Видишь, я совсем не плачу. Я засну и буду очень долго спать, лишь притворяясь живым».

— Почему он перед смертью был не с вами?

— Об этом я узнал позже от Кароль Вейсвеллер. Жан не хотел приезжать в Марн-ла-Кокет, потому что вновь начал курить опий. Он не хотел, чтобы я об этом узнал. Но если бы он только сказал мне, что ему от этого легче, я сам стал бы набивать ему трубку! Врачи советовали ему непременно заняться какой-нибудь работой, которая выматывала бы его меньше, чем литературное творчество. Послушавшись их, он написал инсценировку «Ученика дьявола» по пьесе Джорджа Бернарда Шоу. После его смерти я чувствовал себя обязанным поставить эту пьесу. Связался с Эльвирой Попеску, но именно в это время в Парижском театре сменилось руководство, и у меня ничего не вышло. Лишь через пять лет мне удалось осуществить этот проект. И только тогда я понял, что должен проснуться. (Смеется). Именно в тот день мне стало совершенно ясно: жить надо для того, чтобы продолжать дело Кокто.

— Вы пережили тогда страшное горе. Чувствовали ли вы что-нибудь, кроме боли?

— Это очень странно, но я и сегодня продолжаю испытывать почти то же самое. Видите ли, мне почему-то все время кажется, что Жан где-то здесь, совсем рядом. Для меня он по-прежнему жив. Я ощущаю его присутствие везде. Мне даже кажется, что я могу ему позвонить или написать записку. Как будто он просто вышел.

— Расскажите, как вы с ним познакомились.

— Это было в 1937 году. У одного своего приятеля я увидел очень любопытный портрет. Изображенный на нем человек чем-то походил на меня самого. На вопрос, кто автор портрета, мне ответили: «Жан Кокто». В Театре комедии на Елисейских полях шла в это время его пьеса «Адская машина», на которую я и отправился. И был сражен просто наповал. Я дал себе слово познакомиться с автором во что бы то ни стало. Я учился тогда на курсах Шарля Дюллена, мечтал поступить на работу в театр и беспрестанно твердил всем знакомым, что мне не только везет самому, но я всегда приношу удачу другим. Правда, в Высшую театральную школу меня почему-то не приняли... Потом позвонил кто-то из приятелей: «Слушай, в субботу в студии «Вакер» будет просмотр. Хочешь участвовать? Роль у тебя будет эпизодическая, но устраивают просмотр для Кокто».

— И какую же предложили вам роль?

— Я стоял на пьедестале, изображая статую, и на мне не было надето

почти ничего, кроме каких-то металлических полосок. Костюмы для спектакля делала Коко Шанель, и они отличались большой оригинальностью. Довольно странной была и режиссура. Актеры двигались на прямых ногах, словно механические куклы. Дело в том, что они изображали... цифры. Семерку, четверку, ноль... Публика свистела и плевалась. Тогда я резко повернул голову и с высоты пьедестала свирепо посмотрел в зал, стараясь поймать взглядом особенно буйного зрителя. И зал почему-то притих. Кокто потом признавался, что его потрясло, как никому не известному дебютанту удалось призвать к порядку переполненный зал.

— Он называл вас разными именами — Жанно, Добрый ангел, Сынок, Дорогуша. Какое из них наиболее полно отражает суть ваших взаимоотношений?

— Просто Жанно. Я ведь тоже звал его Жанно.

— Он считал вас своим духовным сыном?

— Кокто даже хотел официально меня усыновить, предлагая моей матери выйти за него замуж. Но я ему сказал: «Не делай этого, Жан. Стоит тебе надеть ей на палец обручальное кольцо, и пиши пропало, она не даст тебе житья». И он послушался. Он всегда безукоризненно вел себя с моей матерью, на что она отвечала ему искренней ненавистью. Впрочем, мать ненавидела всех, кого я любил.

— В письмах к вам Кокто предстает то безнадёжно влюбленным, то демонстрирующим отцовские или братские теплоту и нежность. Он ведь был не очень самоуверенным человеком?

— Наша дружба приняла такой огромный размах, что он даже испугался. Как-то Жан уехал, не попрощавшись со мной. На долгие месяцы я потерял его, но потом он все-таки вернулся. Я вел в то время так называемую «бурую жизнь», в чем честно ему признался. Лгать ведь я никогда не умел. Он сразу погрузился, потому что считал именно себя виноватым в моих похождениях. Жан корил себя за то, что не смог меня «удержать». Я мог сотни раз твердить ему, что далеко не так кореш, как он думает. Все это было бесполезно, он не хотел этому верить.

— Вы цельная натура?

— О нет, вовсе нет! Во мне столько же хорошего, сколько и дурного. Как, впрочем, и во всех нас. Но я всегда старался стать лучше, чтобы приблизиться к тому образу, который видел во мне Жан.

— Кокто ради вас занялся кинематографом?

— Нет, он ведь еще в 1930 году написал сценарий для фильма «Кровь поэта». Правда, сценарий «Вечного возвращения» в 1943 году он написал уже специально для меня. Его бесили приглашения на съемки, которые я тогда получал. «Ты герой, — твердил он мне, — и я напишу для тебя роль героическую, роль великого влюбленного». Для него во всей мировой литературе не существовало других великих поэм о любви, кроме «Ромео и Джульетты» и «Тристана и Изольды». И он написал новую историю Тристана для Мадлен Солонь и Жана Маре. Потом появились его собственные фильмы: «Красавица и чудовище» (1946), «Орфей» (1949) и мой первый фильм в жанре «плаща и шпаги» — «Рюи Блаз» (1947).

— Снявшись в «Фантомасе», вы стали одним из зачинателей жанра «сериалов». Что говорил об этой

вашей роли Кокто?

— Он и сам в детстве зачитывался «Фантомасом». Он вообще прочел все романы Пьера Сувестра и Марселя Алена. Так что я даже горжусь, что воплотил этот злобный образ на экране.

— Чего вы не смогли осуществить за свою кинокарьеру?

— Я очень жалею, что не снялся в картине Лукино Висконти «Смерть в Венеции».

— Четверть века ваша жизнь была неразрывно связана с Жаном Кокто. Трудно ли вам мириться с тем, что уже 35 лет его нет рядом с вами?

— Я не считаю, что его нет. Он для меня по-прежнему жив. И хотя сейчас я гораздо меньше занимаюсь им и его творчеством, это ничего не меняет. Видите ли, я недавно очень тяжело переболел. Я и сейчас еще неважно себя чувствую.

— Вы пережили страх смерти?

— Нет-нет, я вовсе не боюсь смерти. Но 10 октября 1997 года я не забуду никогда. По всему Парижу расклеили огромные афиши спектакля по шекспировской «Буре» в театре «Эльдорадо». С этих афиш смотрел я сам, напоминая Господа Бога, восседающего на облаке. А я в тот момент прощался с жизнью. Вдруг потерял сознание у себя в ванной, где меня и нашла перепуганная служанка. Вызванный врач перетащил меня на кровать, измерил температуру — 41 градус. У меня всего три раза в жизни поднималась такая высокая температура. Я уже почти ничего не соображал, не понимал даже, где нахожусь. Врач на своей машине отвез меня в больницу. Сильнейшая двусторонняя пневмония полтора месяца держала меня в реанимационном отделении. Представляете, что было бы, если б я умер?! А спектакль? Вот уж был бы обман почтенной публики! (Смеется).

— Когда вам стало лучше, вы приехали сюда, в Валлорис?

— Да. Как-то ночью я решил, что могу уже наконец встать. Но руки и ноги у меня ослабли настолько, что я тут же упал. И разбил голову, да так, что сразу хлынула кровь. Попробовал было встать, цепляясь за ящики стола. Но куда там... Так и забылся на полу. Рано утром пришли соседи, растормошили меня, перенесли в постель. Температура опять подскочила... Оказалось, падая, я разбил стакан, вот почему было так много крови. Помню, я обнаружил рядом с собой половую тряпку и, вытирая ею кровь с лица, думал: «Хорошо, что салфетка под руками...» (Смеется). Мой друг, ухаживавший за мной, по профессии врач-гинеколог. И я всегда с гордостью говорю знакомым, что у

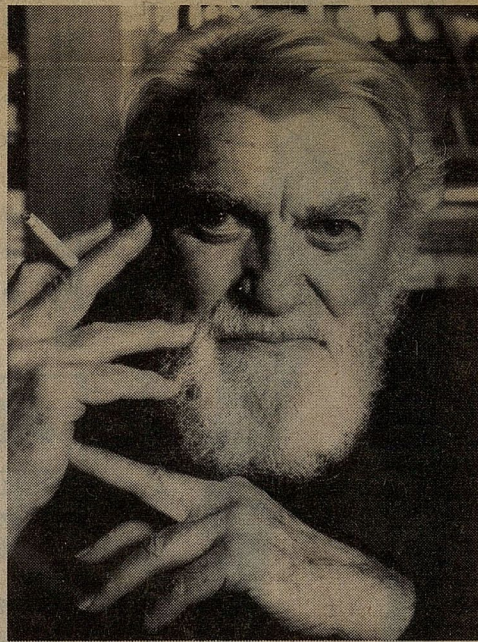
меня есть «свой гинеколог». А вот третий приступ температуры случился в июне. Жара стояла неимоверная, а я лежал под одеялом, стуча зубами от холода. Меня колотила такая дрожь, что казалось, тело подпрыгивает. И вновь температура подскочила до 41 градуса. И все вокруг без конца твердили: «Это серьезно. Это очень серьезно...» (Громко хохочет).

— А страха смерти по-прежнему не было?

— Нет. В юности мне даже казалось, что я бессмертен. Конечно, я был тогда невежествен и глуп. На войне во время бомбежки все вокруг падали лицом вниз и прижимались к земле, а я ложился на спину и невозмутимо разглядывал, как летят бомбы. В 1944 году я служил в дивизии Леклерка и ежедневно приставал к товарищам с вопросом, когда же наконец «пойдем на дело». Как-то раз в Эльзасе мы попали в переделку. Все, выскочив из машин, спрятались в траншею, а я один остался сидеть в грузовике. Мне очень хотелось впечатлений. В кино ведь я всегда играл героев, ну а в жизни ничего героического на мою долю не выпало. Знаете, чем я занимался в дивизии? Ходил по брошенным домам и прибирался в них. Выбрасывал на улицу разбитые и сломанные вещи. Нашел как-то банку вишневого варенья и вышел с ней на улицу. Ел варенье, а косточки выплевывал на снег. Товарищи кричали мне: «Идиот! Беги в убежище, тебя же сейчас убьют!» В конце концов мне даже дали крест, только я его не ношу, потому что его не заслужил.

— Вы и на войне носили шинель, шитую Коко Шанель, а ваш альпинисток украшали ее инициалы...

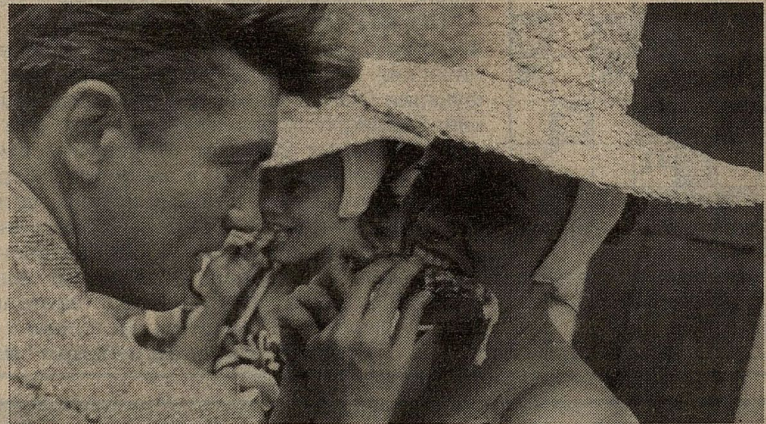
— Да, она сказала, что берет надо мной шефство. Но я ей ответил: «Коко, я не могу принять ваши подарки, потому что у моих товарищей ни-

Маре не любил, когда его называли «художником». По его мнению, художники слишком серьезные люди, чтобы он мог себя к ним причислить.

и на нем остался след моей губной помады. Жан этот отпечаток не стирал... Потом он вернулся в кино. Жан Кокто, которого я очень любила (и он платил мне взаимностью), мечтал нас поженить. «Женись на Миле, — твердил он ему. — Она ведь так тебя любит!» Увы, жизнь слишком часто разлучает влюбленных. Но мы навсегда сохранили нашу дружбу». К моменту съемок фильма «Красавица и чудовище», которыми руководили Жан Кокто и Рене Клеман, Маре и Мила уже расстались, однако продолжали относиться друг к другу с большой нежностью. «Помню, мы как-то ужинали в компании с Кокто, Кристианом Бераром и Роланом Пети. И все трое наперебой стали уговаривать нас родить троих детей и раздать им — по одному на каждого».

В жизни Жана Маре Мила Парели осталась единственной женщиной. Впоследствии она вышла замуж за знаменитого шотландского

1945 год. Маре с единственной женщиной, которую он любил, Милой Парели, во время съемок фильма «Красавица и чудовище».

автогонщика Тейзо. «Кино я бросила, переехала сначала в Лиссабон, а затем в Лондон. Когда Жанно открыл свою галерею на улице Фобур-Сен-Оноре, он пригласил меня в Париж. Мы никогда не теряли друг друга из виду». Сегодня Миле Па-

рели уже 80. Она живет в Виши. Все эти годы по крайней мере раз в неделю она разговаривала с Жаном Маре по телефону. Теперь, после его смерти, у нее остались его письма и статуэтка Богородицы, которую он изваял специально для нее.